

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

УДК 37.017

Исследование выполнено в рамках Государственного задания

N 075-01476-22-00

Полякова М. А.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ И ПРОТЕСТАНТСКИЙ ПОДХОДЫ К ЖЕНСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В XVI ВЕКЕ

Аннотация. В статье речь идет о женском образовании в XVI веке, согласно художественным и нормативным текстам эпохи. Автор выделяет два подхода к женскому образованию того времени – гуманистический, свойственный Томасу Морю и его другу Эразму Роттердамскому, и протестантский, отраженный в школьных уставах последователей Реформации.

Отличительной чертой гуманистического подхода можно считать несколько возвышенное, рафинированное понимание женского образования. Оно выступает как элитарное, доступное лишь избранным. Основным источником такой информации выступают художественные сочинения гуманистов.

Для протестантов характерен более широкий, можно сказать, «демократический» подход к женскому образованию. Оно должно быть доступно всем, так как только таким образом (через образование) можно постигнуть «высший замысел» в отношении себя и, тем самым, обрести спасение. Источниками информации здесь являются нормативные документы эпохи. Примечательным является то, что в последнем случае субъектом обучения и воспитания выступает «новый» персонаж педагогической мысли – девочка, дочь.

Ключевые слова: Ренессанс, Реформация, Томас Мор, Эразм, Лютер, Меланхтон, Курионе.

Polyakova M. A.

HUMANISTIC AND PROTESTANT APPROACHES TO WOMEN'S EDUCATION IN THE XVI CENTURY

Abstract. The article deals with women's education in the XVI century, according to the artistic and normative texts of the era. The author identifies two approaches to women's education of that time – the humanistic one, characteristic of Thomas More

and his friend Erasmus of Rotterdam, and the Protestant one, reflected in the school statutes of the followers of the Reformation.

A distinctive feature of the humanistic approach can be considered as somewhat elevated, refined understanding of women's education. It acts as an elite, accessible only to a select few. The main source of such information is the artistic works of humanists.

Protestants are characterized by a broader, one might say, "democratic" approach to women's education. It should be accessible to everyone, because only in this way (through education) can one comprehend the "highest plan" in relation to oneself and thereby gain salvation. The sources of information here are the regulatory documents of the era. It is noteworthy that in the latter case, the subject of education and upbringing is a "new" character of pedagogical thought – a girl, a daughter.

Keywords: Renaissance, Reformation, Thomas More, Erasmus, Luther, Melancthon, Curione.

Введение. Восьмая глава монографии Эудженио Гарэна «Человек (эпохи) Ренессанса» (*L'uomo del Rinascimento* [Garen, 2018]) носит название «Женщина (эпохи) Ренессанса» (*La donna del Rinascimento*), что само по себе в русскоязычной традиции звучит парадоксально, так как uomo в итальянском языке (как, впрочем, и во многих других европейских) обозначает не только человека, но, и прежде всего, мужчину. Тем не менее, включение подобной главы в собрание, посвященное представителям основных социальных слоев эпохи, говорит о том факте, что статус женщины и, как мы увидим далее, девочки, в XVI веке кардинальным образом меняется и начинает приобретать более четкие черты.

Автор очерка о ренессансной женщине Маргарет Л. Кинг утверждает, что «...мужчина Ренессанса имеет много обликов хорошо индивидуализированных (принц или воин, художник или гуманист, торговец или философ, писатель или авантюрист). Женщина Ренессанса,

наоборот, кажется, как правило, безликой. Она принимает лишь те роли, которые ей в данный момент приписывают – мать, дочь или вдова; девственница или проститутка, святая или ведьма, Мария или Ева или Амазонка. Все эти идентичности (проистекающие только лишь из пола) не допускают какой-либо иной персональности... Всю эпоху Ренессанса женщина борется за свою индивидуальность, но эта борьба обречена на неудачу» [Garen, 2018, p. 273].

Материалы и методы. Источников по истории женского и детского образования гораздо меньше, чем «мускулиных». В основном исследователю приходится обращаться к художественным произведениям эпохи и вычленять из них идеи и подходы авторов к обозначенным проблемам. Что касается гуманистического компонента образовательной политики по отношению к женщинам, такие источники являются почти единственными. Протестантская практика дает возможность подключить к анализу нормативные доку-

менты эпохи – школьные уставы германских земель (*Kirchenordnungen*), учебную литературу (катехизисы). Работа с такого рода документами дает возможность не просто предполагать «желания» авторов в вопросах женского образования, но делать выводы о фиксации определенного опыта, существующего в тех или иных регионах конфессиональной Европы (в германских землях). В этом состоит специфика и отличительная черта протестантов в рассматриваемом вопросе.

Результаты исследования.

Гуманистический подход к женскому образованию

Общеизвестно, что жизнь средневековой и затем ренессансной женщины заключена в определенный цикл: беременность, роды, кормление. Если же, по каким-либо причинам, счастье материнства оказывается ей недоступно, она и женщиной в полном смысле слова не считается – как правило ее удел – монастырь, ведовство или проституция. Образование, приобретающее в XV–XVI веках особую значимость и престиж в высших и средних социальных кругах, как правило, доступно лишь знатным дамам, представительницы среднего и низшего классов довольствуются только теми знаниями и умениями, которые им необходимы для ведения домашних дел. Такова рафинированная гуманистическая традиция [Garen, 2018, p. 274–275].

Ж. Делюмо относит появление и расцвет женской образованности к XVI веку и связывает этот факт со светским характером Ренессанса и повышенным интересом в ту эпоху к беседе. Иными словами, он отдает

предпочтение в данном вопросе гуманистической традиции в лице родственников Томаса Мора, Микеланджело и др. [Делюмо, 2006, с. 467] Следует отметить, что речь в данном случае также идет об «избранных» персонажах и элитарном воспитании на дому, а не о массовом женском образовании.

Ренессансная эпоха действительно предлагает исследователю ряд ярких примеров, причем, не итальянского (оригинально гуманистического) происхождения. Так, испанский гуманист и педагог Хуан Луис Вивес (1492–1540) в 1529 году пишет адресный трактат «*О воспитании женщин-христианок*» для супруги Генриха VIII Екатерины Арагонской [Garen, 2018, p. 314]. Несмотря на то, что почти все педагогические сочинения той эпохи посвящались царствующим особам или их наследникам, обращение в данном случае к женщине весьма примечательно.

Лорд-канцлер английского правительства того же Генриха VIII и защитник католических устоев в Англии Томас Мор (1478–1535) кроме блестящего воспитания собственной жены (о чем иносказательно сообщает читателю в своем очерке «*Супружество*» его друг Эразм Роттердамский) и дочерей, в своей знаменитой *Утопии* (1516) описывает жизнь утопийцев, где между мужчинами и женщинами нет никаких различий в правах на труд и образование. Аналогичное представление о совершенном сообществе юношей и девушек демонстрирует в «*Гаргантюа и Пантагрюэле*» (1533–1564) французский писатель-сатирик Франсуа Рабле

(1494–1553), изображая идеальное Телемское аббатство.

Но самые яркие женские образы эпохи представлены в сочинениях нидерландского ученого-филолога, «князя гуманистов» Эразма Роттердамского (1466–1536). Женские персонажи занимают заметное место в его *«Разговорах запросто»* (*Colloquia familiaria*). В ряде диалогов (*«Поклонник и девица»*, *«Девица, отвергающая брак»* и др.) открыто говорится о преимуществах брака и материнства для женщины по сравнению с девичеством и монашеством. Диалог *«Супружество»* дает уроки женам в таком сложном деле, как брак. «Замужнюю женщину украшает не платье и не уборы, но чистота и скромность...» [Эразм, 1969, с. 155] – убеждает подругу более опытная женщина (Евлалия) и напоминает, что, пороча супруга, жена порочит себя, а то «...каков супруг, во многом зависит от супруги» [Эразм, 1969, с. 155]. Главными чертами в поведении жены должны быть уступчивость и снисходительность, ведь у каждого человека свой нрав и свои недостатки. Евлалия приводит ряд примеров того, как кротостью и смирением жены смогли перевоспитать своих мужей. Диалог пронизан мыслями о важности и значимости именно супружеского состояния и недопустимости развода: «... женщина, расставшаяся с мужем, не стоит ровно ничего! Высшая честь и слава замужней женщины в том, чтобы быть покорной своему супругу. Так заведено самую природой. Так пожелал господь бог...» [Эразм, 1969, с. 167].

Этими словами как будто говорит сам Эразм. Несмотря на то, что он не был женат, брак и семейные ценности он защищал рьяно и эмоционально, что порой вызывает удивление. В опусе содержатся даже рекомендации интимного характера относительно того, как жене следует вести себя в постели. Другим примечательным моментом является то, что гуманист часто сравнивает мужчину с диким животным, нуждающимся в приручении. Жене дается масса частных советов типа того, что надо уступать и угождать мужу в мелочах, поучать его в тот момент, когда он в хорошем расположении духа, ни в коем случае не жаловаться на него на людях и др. Одним словом, Эразм проявил себя при написании данного диалога тонким знатоком семейных проблем, женского характера и, если так можно сказать применительно к его времени, талантливым психологом.

Несмотря на постулат гуманиста о том, что жена должна подчиняться и уступать мужу, в женских образах *«Разговоров»* прослеживается сила, самостоятельность суждений, раскрепощенность. Особенно отчетливо это видно в диалоге *«Аббат и образованная дама»* [Эразм, 1969, С. 255–260]. Героиня беседы Магдалия называет мудростью понимание того, что «...счастье человеку приносят только духовные блага», выражая тем самым мысли самого Эразма. Своего непутевого собеседника аббата, проводящего жизнь не только в молитвах, но и в пирушках, и на охоте, она убеждает, что удел женщины не только в прядении, но и

в образованности; по ее мнению, матери семейства полагается управлять домом и воспитывать детей, а в этом деле необходима мудрость, почерпнутая из книг. Магдалия побеждает в споре, что знаменует право женщин на обучение, образованность и мудрость, как и полагал Эразм.

Тем не менее гуманистический взгляд на женское образование сильно ограничен – сословностью, возрастом обучаемых, размером необходимых для женщин знаний и умений. Всеобщее образование «без гендерных различий», изображенное в прокоммунистическом проекте Мора (*Утопия*), не является в этом смысле исключением, так как фантастичность описанного общества понимал сам автор. Тем не менее для гуманизма XVI века характерна и важна сама постановка вопроса о женском образовании.

Протестантский подход к женскому образованию.

Обучение девочек

Гораздо дальше в вопросе женского образования и воспитания, в частности, пошли сторонники Реформации. Вывод Мартина Лютера (1483–1546) о равенстве всех (невзирая на происхождение, пол и кошелек) перед богом и о возможности спасения только через искреннюю веру привел его и других сторонников обновления Церкви к признанию необходимости всеобщего образования (включая женское образование с детского возраста). Ведь для непосредственного общения с богом верующий должен по крайней мере знать основы христианского вероисповеда-

ния (Десять заповедей и главные молитвы), уметь читать (Священное Писание) и желательно – писать.

Лютер сам женился в возрасте 42 лет на бывшей монахини Катарине фон Бора (1499–1552), чем вызвал возмущение и негодование своих идеологических противников. В известном смысле слова он подтвердил этим поступком собственные воззрения по поводу брака и свое уважение к институту семьи. Позже Лютер не жалел о содеянном. «Бог хорошо отнесся ко мне. Он дал мне жену, которая взвалила домашние хлопоты на свои плечи, а я был освобожден от того, чтобы заниматься еще и этим» [Luther, 2005, S. 154], – говорил он в своих *Застольных речах* в 1532 году. И действительно, согласно биографам реформатора, Кати (как нежно называл ее муж) навела дома порядок, ухаживала за Лютером, который часто болел, вела хозяйство. Финансовое положение супругов находилось в плачевном состоянии. Лютер ничего не получал за свои сочинения, а университетского жалования на содержание семьи не хватало. В 1526 году он обзавелся токарным станком и научился резьбе по дереву, чтобы в случае нужды прокормить семью [Бейнтон, 1996].

Семья Лютеров имела огород, за которым ухаживал сам реформатор, сад, за которым присматривала Кати, и пруд, где разводили форелей, карпов, щук и окуней. Также в обязанности Кати вменялось смотреть за животными и птицей. Одним словом, у них было приличное (натуральное) хозяйство, позволяющее не только содержать довольно большую семью

(к 1534 г. у супругов было шесть детей), но и принимать под свой кров осиротевших детей родственников, больных, студентов и др.

Следует признать, что даже самые недоброжелательные биографы Лютера не рискнули назвать его брак неудачным и подтверждением тому являются многочисленные письма и замечания реформатора по поводу его замечательной супруги. В одном письме он говорит о своей жене: «Госпожа моя, Кати, приветствует вас. Она засаживает наши поля, пасет скотину, продает коров, *et cetera*. В промежутках она начала читать Библию» [Соловьев, 1984, с. 226]. Примечательным с точки зрения супружеских отношений XVI века является то, что Лютер в завещании назначает Катарину своей единственной наследницей за то, что она была ему благочестивой и верной супругой, родила и вырастила с ним детей. Кроме того, он объясняет свое решение тем, что должен защитить свою супругу в будущем от возможных претензий и попреков невесток и зятьев.

Тем самым Лютер, по существу, устанавливает новые для своего времени критерии и ценности в отношениях с женщиной и иллюстрацией этого являются его собственный семейный опыт и его завещание. Он не хочет, чтобы его жена в чем-либо нуждалась или от кого бы то ни было зависела после его смерти. Можно сказать, что Лютеру свойственна точка зрения на женщин, полностью отличная от принятой в средневековье и эпоху Ренессанса. Оценивая степень участия Адама и Евы в со-

вершении первородного греха, реформатор ставит их вместе и говорит, что «...они пали в равной степени» [Полякова, 2010, с. 60]. Несмотря на некоторые высказывания реформатора по поводу женского ума и «дамских бедер», которые широки, потому что она должна сидеть дома; Лютер видел в женщине такого же участника общественных отношений, каким являлся и мужчина. Придерживаясь в целом патриархальных взглядов на брак, Лютер утверждал, что, хотя жены и жили в подчинении своим мужьям, но должны были жить во взаимной любви, взаимной заботе и взаимной святости, так как они служат Богу, заботясь друг о друге. Иными словами, он не признавал неравенства в любви, что позволяет считать его несомненным новатором в вопросе гендерных отношений.

Проблема взаимоотношений Лютера с женой и детьми имеет принципиальное значение в оценке его педагогической деятельности. Более того, К. Шмидт утверждает, что он и сделался реформатором воспитания потому, что был также реформатором семейной жизни [Шмидт, 1880, с. 43]. Отдавая предпочтение общему школьному образованию, он, тем не менее, не умалял важности семейного воспитания. Имея достаточно печальный опыт собственного детства, он старался со своими детьми избегать чрезмерной строгости и наказаний. Биографы отмечают, что Лютер умел быть с детьми настоящим ребенком – смеялся, шутил с ними, участвовал в их играх.

Есть масса свидетельств того, что именно детей немецкий реформатор считал «самым дорогим залогом в супружестве». Когда его коллега и друг доктор Юстус Йонас (1493–1555) повесил над своим столом вишневую ветвь в знак напоминания о величии творения Божьего и благословения к таким плодам, Лютер сказал: «А отчего вы не думаете о своих детях? Они перед вами непрестанно, и от них вы научитесь куда большему, чем от вишневой ветки» [Полякова, 2010, с. 115].

Ярким свидетельством трепетного отношения реформатора к собственным детям является письмо, написанное одним из его друзей, В. Дитрихом, супруге Лютера примерно в начале 30-х годов XVI века. Здесь обращает на себя внимание, прежде всего, тон автора – Дитрих обращается к Катарине весьма уважительно, называя ее «госпожой докторшей» и желая ей, ее детям и прислуге всех благ [Dieterich], что свидетельствует о том почтении, с которым относились к семье Лютера его друзья. Письмо было написано по случаю того, что Кати прислала в Нюрнберг, где в то время находился ее супруг, портрет маленькой Магдалены, младшей дочери (на тот момент у них было двое детей) Лютера. Реформатор, незадолго до этого получивший известие о смерти отца, пребывал в весьма хмуром и горестном состоянии [Dieterich]. Однако, получив изображение любимой Ленхен, он долго рассматривал его, затем успокоился и стал более умиротворенным.

Магдалена (Ленхен) Лютер – один из первых реальных девичьих образов в литературе биографического и эпистолярного жанра. Кроме упомянутого выше письма она фигурирует в *Застольных речах* Лютера (*Tischreden*). Особенно трогательно выглядят высказывания отца по поводу смерти дочери (Магдалена умерла в возрасте 13 лет), когда он, в силу своей веры понимает, что она ушла в лучший мир, но все же не может скрыть ни слез, ни страданий. Примечательно, что из всех детей реформатора детский портрет есть только у Магдалены – она действительно была общей любимицей.

У друга и соратника Лютера Филиппа Меланхтона (1497–1560) было четверо детей, одну из дочерей также звали Магдалена и, хоть эта семья не так популярна у биографов и историков, в ныне существующем Доме-музее Меланхтона в Виттенберге своеобразную экскурсию проводит именно она (Магдалена Меланхтон) – от ее имени написаны все пояснения (так называемые «этикетки») в музее.

Еще одним ярким примером, подтверждающим особое место детских (именно, девичьих) образов в протестантской литературе XVI века является катехизис, написанный итальянским гуманистом – антитриниатом Челио Секондо Курионе (1503–1569) именно для дочерей (*Vna familiare et paterna institvzione della Christiana religione*, 1549) [Полякова, 2014; Poliakova, 2019]. Кроме собственно катехизиса (или наставления) в книге содержится письмо-обращение к дочерям; некоторые молитвы, которые

следует произносить по разным случаям; еще одно письмо, где разъясняется, почему праведники в этой жизни страдают, а негодяи живут сладко и несколько религиозных стихов, сочиненных самим Курионе.

Произведение написано на итальянском языке, необходимость использования которого Курионе разъясняет в своем письме дочерям [Curione, 1549, A2–A3]. Он пишет им, что был вынужден покинуть Италию вместе с их матерью и тремя их маленькими братьями и что в изгнании обычно они использовали для общения латинский язык, на котором он и составил для сыновей более краткий вариант катехизиса. Дочери же оставались в Италии на попечении добрых друзей и, следовательно, говорили и читали по-итальянски. Курионе считает себя, а в своем лице любого отца, должником перед детьми, как по велению бога, так и по естественному закону. Долг этот состоит в обязанности отца обучать и воспитывать детей и именно это целеполагание является основной посылкой для написания подобного катехизиса, представляющего собой диалог между отцом и дочерью по различным вопросам христианской веры.

Несмотря на прогрессивность многих своих убеждений и богатую практику обучения именно девочек (его ученицей была Олимпия Мората, будущая ученый-гуманист, протестантка, читающая лекции о Цицероне и Кальвине), Курионе выступал против посещения ими школ и университетов, поскольку все науки можно и нужно изучать дома. В то же время немецкие реформаторы не только заявляли о необходимости

обучения девочек в школах, но и предусмотрели это в своих так называемых школьных уставах.

О том, что девочки должны учиться в школах наряду с мальчиками хотя бы для того, чтобы понимать основы христианской веры, Лютер писал еще в своем первом программном документе в 1520 году (*«К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства»*). Позже он не только не отказался от этой мысли, но развил ее в *«Послании к советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы»* (1524) и в *«Проповеди о том, что нужно посылать детей в школу»* (1530).

Следует отметить, что кроме громких заявлений в этом вопросе, реформаторы предпринимали определенные шаги в организации школьного дела, в том числе – образования девочек.

В один из первых школьных уставов (в составе церковного устава – *Der ehrbaren Stadt Braunschweig Christliche Ordnung, zu Dienst dem heiligen Evangelio, christlicher Liebe, Zucht, Frieden und Einigkeit*), составленном другом Лютера Иоганном Бугенхагеном (1485–1558) в 1528 году для города Брауншвейга, в частности включены такие разделы, как *«О немецких школах для мальчиков»*, *«О школах для девочек»*.

Согласно уставу, в городе предлагалось открыть две латинские школы для мальчиков: одну в приходе Святого Мартина, другую – в приходе Святой Катарины, причем в первой следовало держать ученого магистра искусств «...к чести города

и на благо молодежи», в другой – ученого ректора. Учитывая, что Брауншвейг, по свидетельству Бугенхагена, имел пять приходов, при магистре и ректоре, кроме учителей, должны были состоять еще помощники (для приходов, в которых школы не учреждались – Святого Магнуса, Святого Ульриха и Святого Андрея), чтобы присматривать за детьми в Святой вечер (сочельник) и Святой день (Рождество), так как дети должны встречать этот праздник вместе с родителями в своем приходе. Данный факт примечателен не только как свидетельство той тщательности, с которой автор продумывал территориальное распределение образовательных учреждений по приходам, но и потому, что он указывает на сохраняющуюся в протестантских школах связь учеников с домом, с родителями. Тем более это относилось к школам для девочек, «...потому что девочки не должны учиться далеко от родителей» [Бугенхаген, 2018, с. 213]. Конкретно в уставе сказано следующее: «...В городе должны быть учреждены четыре школы для девочек, в четырех местах хорошо расположенные, потому что девочки не должны учиться далеко от родителей. Потому что девочки могут только учиться читать и прослушать некоторые толкования о десяти заповедях Бога, о «Верую» и «Отче наш», о том, что есть крещение и таинство тела и крови Христовой; также выучить наизусть некоторые изречения из Нового Завета, о вере, о любви и терпении или о кресте, а также некоторые священные и служащие воспитанию девочек истории или притчи для упражнения памяти и

тем самым запоминать Евангелие Христово, а также выучить христианские песнопения. Это они могут выучить за год, самое большее – за два» [Бугенхаген, 2018, с. 213].

Тем самым вопрос об образовании девочек был зафиксирован нормативным документом. Уставы, появившиеся позже (к примеру, *Вюртембергский школьный устав*, 1559) в целом придерживаются аналогичной схемы и несмотря на то, что согласно им предполагалось раздельное обучение мальчиков и девочек, часто из-за отсутствия помещений и учителей, дети обоих полов учились вместе.

Заключение. Таким образом, можно видеть, что в XVI столетии проблема женского образования действительно приобретает особое звучание в литературе разных жанров и назначения. Однако еще одной важной, ранее не наблюдавшейся, приметой эпохи является появление в ней нового персонажа – девочки, дочери. И характерно это именно для протестантских авторов, что, по всей видимости, связано с их доктриной «всеобщего священства» и личной ответственности каждого верующего за свою судьбу и спасение. Как не прогрессивны были гуманисты (к примеру, Эразм или Рабле) в их сочинениях детские женские образы попросту отсутствуют. Также протестанты оказались не только теоретиками в данном вопросе – они пошли дальше, допустив девочек к общественному образованию.

Список литературы

1. Бейнтон Р. На сем стою: Жизнь Мартина Лютера / пер. с англ. Пос. Заокский (Тульская область), 1996. – 394 с. – Текст : непосредственный.
2. Брауншвейгский церковный устав Иоганна Бугенхагена о реформе образования / пер. с нем. 3. А. Лурье, М. А. Поляковой. – Текст : непосредственный // *Proslogion: проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени.* – 2018. – № 2. – С. 189–216.
3. Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения / пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 720 с. – Текст : непосредственный.
4. Полякова М.А. Гуманистические и реформационные черты педагогического идеала Челио Секондо Курионе. – Текст : непосредственный // *Историко-педагогический журнал.* – 2014. – № 2. – С. 149–161.
5. Полякова М. А. Разработка Мартином Лютером педагогической программы реформационного движения в Германии: исторические предпосылки, содержание, практическая реализация, Москва; Калуга : Эйдос, 2010. – 192 с. – Текст : непосредственный.
6. Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. – Москва : Молодая гвардия, 1984. – 288 с. – Текст : непосредственный.
7. Шмидт К. История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов / пер. с нем. Т. 3. Москва : Типография Мартынова и К°, 1880. – 777 с. – Текст : непосредственный.
8. Эразм Роттердамский, Разговоры запросто / пер. с лат. Москва : Художественная литература, 1969. – 704 с. – Текст : непосредственный.
9. Curione C. S. Vna familiare et paterna institvtione della Christiana religione. Basilea, 1549. – 214 p. – Текст : непосредственный.
10. Dieterich V. Brief an Katarina von Bora. – Текст : электронный. – URL: <https://briefe.glaubensstimme.de/category/dieterich-veit/>.
11. Garin E. L'uomo del Rinascimento. Roma-Bari: Laterza, 2018. – 364 p. – Текст : непосредственный.
12. Luther M. Tischreden. Stuttgart: Reclam, 2005. – 318 S. – Текст : непосредственный.
13. Poliakova & Z. Lurie, Celio Secondo Curione as a reformed pedagogue // *Paedagogica Historica.* – 2019. – Vol. 55. – Текст : непосредственный.